

УДК 82-95

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ В ПОВЕСТИ А. П. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»**© Гамали Ольга Игоревна**

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской филологии и зарубежной литературы,
Криворожский государственный педагогический университет
Украина, 50086, г. Кривой Рог, пр. Гагарина, 54
E-mail: hamaliolig@gmail.com

© Каневская Ольга Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русской филологии и зарубежной литературы,
Криворожский государственный педагогический университет
Украина, 50086, г. Кривой Рог, пр. Гагарина, 54
E-mail: o.b.kantvska@rambler.ru

В статье охарактеризованы речевые портреты персонажей повести А. П. Платонова «Котлован» как средство их художественного изображения. Установлено, что в целом повествование «Котлована» не ориентировано на «голос» какого-либо одного персонажа и выдержано в едином стиле некоего «народного философствования». С помощью речевых портретов А. П. Платонов изображает своих персонажей как типичных людей своей эпохи, когда отдельный человек не воспринимается как личность, являющаяся творцом своей жизни, а лишь как часть одной, общей для всех, системы. Писатель запечатлел в создаваемых им героях не столько обобщенно-индивидуализированные человеческие качества, сколько смог придать им символическое выражение важнейших социально-философских явлений современности.

Ключевые слова: речевой портрет; индивидуализация речи; речь персонажа; авторская ремарка; языковой комизм; язык художественного произведения; платоновский стиль.

Интерес к творчеству Андрея Платоновича Платонова (Климентова) (1899–1951) имеет свою сложную историю, в которой были периоды полного забвения имени автора и периоды активного изучения его произведений. «И язык Платонова, и его гуманизм определяют “необщее выражение” его писательского лица. Но значение Платонова для русской культуры не в стилистическом новаторстве, а в том, что он глубже других понял весь трагизм произошедшего с нашим народом в эпоху ленинских и сталинских преобразований и единственный из писателей (как считают современные исследователи) сумел это адекватно изобразить на своем необычном языке. Данное обстоятельство и ставит Платонова на особое место в русской литературе XX века», – справедливо указывает Н. И. Дужина, определяя значимость творчества писателя для русской культуры в целом [4].

Исследовательские работы, посвященные творческой судьбе писателя, поражают своей разноплановостью и свидетельствуют о неугасающем внимании к наследию писателя: языку, стилистическим приемам, художественной картине мира, способу философского осмысления роли личности в мире. Однако многие аспекты творчества писателя еще не освещены в должной степени, ведь А. П. Платонов – автор, создавший свой уникальный художественный мир, мно-

гие тайны которого до сих пор не разгаданы. «Мои идеалы однообразны и постоянны, – писал А. П. Платонов. – Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Я должен опешлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения <...>. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу» [9, с. 39].

Огромное внимание исследователи уделяют повести писателя «Котлован», которая в его творчестве занимает особое место. С. Залыгин справедливо отмечает: «Автор “Котлована”... способен увидеть “котлованность”, т.е. нелепость, дисгармоничность, драму человеческого существования. Но это именно потому, что душа его больше всего нуждается в разумении и гармонии» [5, с. 50]. В современном платоноведении повесть «Котлован» изучается с разных сторон: историко-культурной, философской, жанровой, текстологической, лингвостилистической, концептуальной. Мы же остановимся на одном аспекте анализа этого произведения – охарактеризуем речевые портреты персонажей как средство их художественного изображения.

Все исследователи творчества А. П. Платонова отмечают, что язык его произведений отличается необычностью, особым стилем, редкостным своеобразием синтаксиса и лексики. В этом отношении показательно замечание В. С. Елистратова: «Большинство исследователей, которые писали о А. П. Платонове, сходятся в одной мысли: писатель обладал неповторимым стилем. В работах можно найти десятки эпитетов, относящихся к этому стилю: странный, пограничный, картавый, потусторонний, запредельный, загадочный, ясновидческий и т.д. Возникает своего рода “лингвистическая легенда”, вызванная дефицитом языковедческого анализа» [6, с. 92]. Знаменитому платоновскому стилю невозможно найти аналог в русской литературе.

«Однако, – подчеркивает И. И. Матвеева, – писатель работал в русле стилистических тенденций 20-х годов, когда в художественных произведениях создавался необычный синтез речевой стихии и литературного языка. В духе общей тенденции платоновская проза наполнена разноязыким говором революционной эпохи, революционной фразой и политическими лозунгами, новыми штампами, диалектными словечками, нередко создающими в речи персонажей комический эффект» [8, с. 12].

В. Буйлов, размышляя об особенностях платоновского стиля, замечает: «Изменения в языке в первую очередь коснулись советской литературы, которая была пропущена через мясорубку “нормализования” соцреализмом не только в плане содержания, но и в плане формы. Андрей Платонов тоже пишет на языке данной эпохи. Но делает он это сознательно: формально подчинив себя языку утопии, он как бы раскрывает подмену общечеловеческих ценностей, выраженную в этом языке, и таким образом борется с языком утопии через его употребление. И “через язык” борется с самой утопией» [3].

И. А. Бродский пишет о языковом абсурде А. П. Платонова как выразителе эпохи: язык писателя – это «язык, компрометирующий время», в нем обнаруживается «тупиковая философия», которая раскрывает «бездны», «масштаб человеческой трагедии» [2, с. 5].

Действительно, А. П. Платонов оставил читателям прозу удивительную, местами почти косноязычную. Не является исключением и галерея портретов персо-

нажей, созданных автором. Существенную роль в объемности и глубине их изображения играют речевые портреты (речевые характеристики), т.к. в речи человека находит свое выражение его индивидуальный жизненный опыт, его культура, его психология.

Безусловно, изображение человека в художественном произведении невозможно без его речевой характеристики, ее «адресности», отражающей социальные, национальные, региональные, возрастные, личностные особенности персонажа. «... образ героя создается не только посредством сюжета (т.е. участие персонажей в действии, их поступки), биографии, описании внешности (портрет, одежда), интерьера, разнообразных средств психологического анализа, но и средствами языка; речь героя, ее словарный состав, строй, манера говорить выявляют ее индивидуальность» [11, с. 364].

Итак, речевой портрет – это часть характеристики литературного персонажа, преследующая цель охарактеризовать его речь (манеру говорить, излюбленные интонации и слова, обороты речи, словарный запас). Речевая характеристика складывается из самой речи героя и из описания ее автором. В ней писатель подчеркивает такие особенности речи людей, которые сообщают читателю об уровне культуры и принадлежности героя к определенной социальной среде, исторической эпохе, раскрывают его духовный мир и психическое состояние. Особую ценность представляют наблюдения автора над речевой интонацией, авторские комментарии о речи персонажей художественного произведения.

Проанализируем несколько речевых портретов, характерных для языковой ткани повести А. П. Платонова «Котлован».

Невозможно не согласиться с замечанием, сделанным С. Залыгиным в предисловии к изданию повести «Котлован», что, «читая А. П. Платонова, мы далеко не всегда узнаем людей в тех людях, которых он создает на страницах своих произведений, но в то же время мы что-то от них вдруг безошибочно угадываем в самих себе, и эта близкая нам потусторонность захватывает нас» [5, с. 50].

Так, речь инвалида Жачева, время от времени «раскулачивающего» бюрократа Пашкина, характеризуется определенными приметам. Во-первых, она наполнена побудительными предложениями с глаголами повелительного наклонения: *Лучше брось работать – насыпь табачку!* [10, с. 75]; *Остановите этот звук!* [10, с. 107]; *Ешь, бедная! Существуют пока что!* [10, с. 112]; *Входи, не раздражай меня* [10, с. 150]. Во-вторых, большим количеством восклицательных предложений: *Имей в виду – любой кодекс для меня слаб!* [10, с. 93]; *Заметь этот социализм в босом теле. Наклонись, стервец, к ее костям, откуда ты сало съел!* [10, с. 117]. Очевидно, для Жачева, ожесточенного человека, характерна речь резкая, грубая, насыщенная отрывистыми, жесткими и императивными интонациями. В-третьих, Жачев активно употребляет эмоционально-окрашенные, вульгарные и бранные слова: *расхарчевал, классовый излишек, ехидный, урод, стервец, мерзавка, рожка, сволочь, стерва, паразит, гад* и другие. В речи персонажа присутствуют «комические окказионализмы», построенные автором на основе канцелярской речи, характерной для той эпохи: *разактивим* [10, с. 150], *меня нахождение сволочи мучает* [10, с. 95]. Жачев употребляет народные шутки, прибаутки: *Живи храбрее – жми друг дружку, а деньги в кружку*, – что способствует созданию образа активного, бойкого человека. Подобные слова и

выражения придают тексту ироническую окраску, а также, на наш взгляд, смягчают общее трагическое звучание произведения.

Интересны авторские ремарки, сопровождающие речь этого персонажа. Например, Жачев высказывает Вошеву свое неудовольствие по поводу неловко сказанных ему слов сочувствия: *...сказал с медленностью ожесточения* [10, с. 77], т.е. он говорил, постепенно ожесточаясь, или с медленно нарастающим ожесточением. Или случай, когда этот *жирный калека* (так автор характеризует Жачева), пришедший в который раз *раскулачивать* бюрократа Пашкина, на его вопрос: *«Ты что, товарищ Жачев: чем не обеспечен, чего возбуждаешься?»* – **ответил ему прямо по факту**. Автор подчеркивает, что Жачев ответил очень резко, говоря то, что думает, не скрывая своих эмоций и чувств.

Итак, речь у революционного фанатика Жачева очень резкая, грубая, эмоционально окрашенная, насыщенная отрывистыми и угрожающе-повелительными интонациями. Очевидно, Платонов подчеркивает, что Жачев – инвалид, живущий в достаточно специфическую революционную эпоху, пробуждающую в человеке ожесточение, грубость, злость и делающую его инвалидом в духовном отношении.

Интересна речь *наиболее активного* (обратим внимание на это определение) *среди мастеровых* Сафронова, изобилующая официально-деловыми словами и выражениями: *льготы, функции, персонал, должна быть аннулирована, организовывать, поставим вопрос, должны, надо, тенденции, факт* и т.п. Кроме того, в ней множество пропагандистско-идеологических высказываний, лозунгов: *Тебе для прочности надо бы в физкультуру записаться, а ты уважаешь конфликт: ты мыслишь отстало* [10, с. 89]; *Пролетариат живет для энтузиазма труда!* [10, с. 104]; *У кого в итанах лежит билет партии, тому надо беспрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда* [10, с. 107]; *И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чувствуют товарища Ленина!* [10, с. 111]; *Ведь здесь ребенок теперь живет, иль ты не знаешь, что скорбь у нас должна быть аннулирована!* [10, с. 111]. Канцеляризмы, наполняющие речь Сафронова, выхолащивают мысль, делают ее бессодержательной и бездуховной, создают атмосферу трагифарса.

Показательны авторские ремарки, сопровождающие речь данного героя, помогающие создать его целостный речевой портрет: *крикнул, определил, высказался; возражающе произнес Сафронов* [10, с. 81]; *не отвлекаясь сообщил* [10, с. 83]; *спросил голос Сафронова* [10, с. 94]; *с полной значительностью обратился* [10, с. 96]; *не имея исхода для силы своего ума с горестью высказывался* [10, с. 107]; *отвечал всем и навсегда верховным голосом могущества* [10, с. 107]; *Сафронов знал, что социализм – это дело научное, и произносил слова так же логично и научно, давая им для прочности два смысла – основной и запасной, как всякому материалу* [10, с. 95]. Писатель рисует недалекого, но уверенного в своей правоте человека, заучившего и непрестанно, будто робот, «извергающего» массу канцелярских штампов и пропагандистско-идеологических лозунгов, человека, страстно желающего изменить жизнь, действовать, но не понимающего сути того, к чему стремится и каким путем он к этому идет.

В речевом портрете Сафронова, как и Жачева, используются различные приемы языкового комизма. Например: *Это не животное, а прямо человек* [10, с. 95]; *соревноваться на высшее счастье настроения* [10, с. 107] – семантическая редупликация; *ты одним своим радуешься* [10, с. 85]; *курс на интеллигенцию взял* [10, с. 90]; – сдвиг в логике; *у тебя не будет памяти вещества* [10, с. 83]; *чтоб они не скопляли в себе темное настроение* [10, с. 103] – комические окказионализмы; *в каком виде вам желательно получить этот продукт – в твердом или жидком* [10, с. 96] – непоследовательная группировка.

Согласимся с мнением, высказанным В. Буйловым: «Герои Платонова говорят то, что чувствуют, а потом уже думают, если вообще могут думать» [3]. Именно поэтому трагична эпоха в целом и судьба каждого отдельного человека в частности.

В речевом портрете Вощева видится человек сомневающийся, «ушедший в себя», ищущий истину (*истину для производительности труда*), но так и не нашедший ее. Большое количество вопросительных и восклицательных предложений, использование многоточий, указывающих на прерывистость и незаконченность мысли, на ее неопределенность, частотность вводных слов вероятностного значения (*наверно, может, стало быть*), свойственные его речи, усиливают образ сомневающейся, колеблющейся личности: *А где же мне быть?* [10, с. 78]; *Я задумывался на производстве, и меня сократил...* [10, с. 79]; *Сидя, у меня мысль еще хуже развивается* [10, с. 80]; *... счастье все равно далекое дело...* [10, с. 86]; *Истина, товарищ Чиклин, забыться не может...* [10, с. 153].

Рисуя речевой портрет Вощева, писатель использует и приемы языкового комизма: *глядел глазами* [10, с. 76], *не полностью весь* [10, с. 77] (семантическая редупликация); *ничего не сознавая* [10, с. 75] (малопропилическая подмена) и др.

Авторские ремарки дополняют речевой портрет персонажа: *произнес Вощев в размышлении* [10, с. 74], *тихо проговорил* [10, с. 77], *неохотно говорил* [10, с. 78], *произнес Вощев, стыдясь, что много людей чувствует его сейчас одного* [10, с. 79], *с робостью слабой надежды спросил* [10, с. 79] и др.

Вощев в «Котловане», отмечает К. А. Баршт, «становится пророком нового отношения человека к труду как к сакральному прямому взаимодействию пластичного живого человека с пластичным и живым “веществом существования”». Он задумывается над “вековечным вопросом”, не желая работать ради механического продолжения исторического процесса, и потому уходит с производства. В котловане он встречается производство нового типа, онтологически оправданное соборное действие, где преображение человека совершается в унисон с преображением “вещества мироздания”» [1, с. 129].

Вощев, задумавшийся *среди общего темпа труда*, опасен для идеи рытья котлована, ведь, по мнению большинства персонажей повести, его надо вырыть согласно директиве сверху, в соответствии с генеральной линией, «заготавливая» жизнь для будущего всеобщего благоденствия; к тому же, мыслительная деятельность является отдыхом, а не работой, поэтому вредит всеобщему энтузиазму.

Наблюдения показывают, что наибольшей индивидуализацией отмечена речь Прушевского, интеллигента и создателя проекта «общепролетарского дома». Постоянно пребывая в сомнении относительно возможности счастья для бу-

душных жителей этого дома и остро переживая «старость рассудка», «стену сознания» (т.е. преодолевая рационализм своей мировоззренческой позиции), он видит весь мир как «прах», суету сует, отсюда его внутренняя предрасположенность к уходу из жизни: *Лучше я умру, – подумал Прушевский. – Мною пользуются, но мне никто не рад* [10, с. 88]; *Либо мне погибнуть?* [10, с. 88].

Интеллигентность этого персонажа осознаем, «слушая» его речь: вежливое обращение на «вы» (*Вы еще не спите* [10, с. 97], *Вы меня извините* [10, с. 98], *Идемте* [10, с. 149]); частое употребления специальной и профессиональной лексики (*биржа, почерчу, свайные гнезда, тяжесть веса, механика покоя* и др.); даже о женщине Прушевский говорит, как о чем-то касающемся его профессии: *обуглилась* [10, с. 95]. Достаточно показательны следующие фразы инженера: *Я не понимаю!* [10, с. 100]; *Завтра я напишу последнее письмо сестре, надо купить марку с утра* [10, с. 88] – он находит время и возможность, у него есть желание написать письмо родным. Кроме того, отметим склонность этого персонажа к рассуждениям, к стремлению понять ситуацию, явление, дойти до сути. Обратим внимание на немногочисленные, но показательные авторские ремарки о речи данного героя: *подумал, сомневался, удивился; тихо сказал* [10, с. 62]; *... он хотел произнести томящее его слово или просьбу, но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прушевского, и он стал уходить* [10, с. 102].

Таким образом, созданный автором речевой портрет позволяет судить об этом герое – инженере как интеллигентном, мягком, воспитанном человеке, склонном к рефлексивному мышлению.

Сравнивая реплики разных персонажей повести, видим, что многие из героев употребляют слова и выражения, в которых совмещается конкретное и абстрактное, материальное и идеальное, канцелярски-бюрократическое и возвышенно-серьезное. Например: *у меня без истины тело слабнет* (Вощев) [10, с. 79]; *спи, может, ум забудешь* (Чиклин) [10, с. 161]; *равняйтесь на отсталость* (Козлов) [10, с. 99]; *четкая линия в будущий свет* (активист) [10, с. 137]; *отчего я всегда ум чувствую и никогда его не забуду* (Настя) [10, с. 160]; *меня капитал пополам сократил* (Жачев) [10, с. 95]; *у тебя не будет памяти веществу* (Сафронов) [10, с. 83]. Очевидно, что в «Котловане» речевой портрет не выполняет в полной мере функцию индивидуализации персонажа. Вместе с тем, полного «снятия» индивидуализации речи в повести тоже нет.

В целом повествование «Котлована» не ориентировано на «голос» какого-либо одного персонажа и выдержано в едином стиле некоего «народного философствования». С помощью речевых портретов А. П. Платонов изображает своих персонажей как типичных людей своей эпохи, когда отдельный человек не воспринимается как личность, являющаяся творцом своей жизни, а лишь как часть одной, общей для всех, системы. Писатель не столько запечатлел в создаваемых им героях обобщенно-индивидуализированные человеческие качества, сколько смог превратить их в символическое выражение важнейших социально-философских явлений современности.

Известно, что повесть А. П. Платонова не была опубликована сразу (а только 57 лет спустя), потому что во времена единомыслия нельзя иметь свое мнение. Создав скорбный гротеск, писатель показал губительность всеобщего послушания и безумной жертвенности. «Горькая отрада быть русским читателем

вполне уловлена здесь как изнутри, так и извне, – пишет В. Малухин. – Однако в данном случае народная драма в XX в. – вопрос не столько национальной и идеологической специфики, исторических масштабов, типологии и т.д., сколько адекватности ее философского постижения» [7, с. 221]. А. П. Платонов пытался вести серьезный диалог с обществом, а устами героев высказывал собственные сокровенные мысли.

Литература

1. Баршт К. А. Семантика профессии в прозе Платонова (К вопросу о типологии платоновских персонажей) // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 3. – Москва, 2004.
2. Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Бродский И. Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе. – Москва, 1992.
3. Буйлов В. Андрей Платонов и язык его эпохи [Электронный ресурс]. URL: <http://md-eksperiment.org/post/20161130-andrej-platonov-i-yazyk-ego-epohi> (дата обращения: 22.02.2019).
4. Дужина Н. И. Творчество Андрея Платонова в политическом и культурном контексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004.
5. Залыгин С. Предисловие к повести А. Платонова «Котлован» // Новый мир. 1987. № 6.
6. Елистратов В. С. Образные сочетания слов в прозе А. Платонова // Русский язык за рубежом. 1993. № 1.
7. Малухин В. Реквием по утопии: о повести А. Платонова «Котлован» // Знамя. 1987. № 10.
8. Матвеева И. И. Комизм языка персонажей А. Платонова // Русская речь. 2001. № 4.
9. Платонов А. Мысли о вечном: Размышления писателя // Молодая гвардия. 1990. № 5.
10. Платонов А. П. Избранное. Повести, роман. – Харьков, 1990.
11. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / под ред. Ю. В. Борева. – Москва, 2003.

SPEECH PORTRAIT IN “THE FOUNDATION PIT” STORY BY ANDREI PLATONOV

Olga I. Gamali

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Krivoy Rog State Pedagogical University
54 Gagarin Ave, Krivoy Rog, 50086, Ukraine
E-mail: hamaliolig@gmail.com

Olga B. Kanevskaya

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Krivoy Rog State Pedagogical University
54 Gagarin Ave, Krivoy Rog, 50086, Ukraine
E-mail: o.b.kantvska@rambler.ru

The article describes the speech portraits of the characters in “The Foundation Pit” story by Andrei Platonov as a means of their artistic portrayal. It has been established that, in

general, the “The Foundation Pit” story is not focused on the “voice” of any character and is sustained in the same style of some kind of “popular philosophizing”. With the help of speech portraits, Platonov portrays his characters as typical people of his era, when an individual is not perceived as a person who is the creator of his life, but only as part of one system common to all. The writer not just imprinted in his heroes generalized individual human qualities, but was able to give them a symbolic expression of the most important social and philosophical phenomena of modern times.

Keywords: speech portrait; speech individualization; character speech; author's remark; language comedy; language of artwork; Platonov's style.